

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 1 (2021)

Содержание:

<i>В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений</i>	2
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения</i>	2
<i>(недопустимость домашнего насилия)</i>	2
практика Европейского Суда по правам человека	2
<i>запрет недопустимого обращения</i>	6
<i>(вопросы помещения обвиняемых, подсудимых в металлические клетки в ходе судебного разбирательства)</i>	6
практика Европейского Суда по правам человека	6
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола задержания)</i>	7
практика Европейского Суда по правам человека	7
практика Комитета ООН по правам человека	7
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда)</i>	10
практика Европейского Суда по правам человека	10
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на участие защитника при рассмотрении жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также на решения о продлении срока действия указанной меры пресечения)</i>	11
практика Европейского Суда по правам человека	11
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на личное участие в судебном разбирательстве при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)</i>	11
практика Европейского Суда по правам человека	11
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на участие защитника при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)</i>	12
практика Европейского Суда по правам человека	12
<i>право на свободу и личную неприкосновенность (право на незамедлительное рассмотрение жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)</i>	12
практика Европейского Суда по правам человека	12
<i>право на справедливое судебное разбирательство</i>	13
<i>(право на разумные сроки уголовного судопроизводства)</i>	13
практика Европейского Суда по правам человека	13

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

*запрет пыток, иного недопустимого обращения
(недопустимость домашнего насилия)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 65557/14 *«Польшина против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года), которым установлено нарушение статьи 3 во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года² ввиду невыполнения обязательств по обеспечению П.С.С. надлежащей защитой от домашнего насилия со стороны ее мужа – П.А.А. и созданию в Российской Федерации условий для реального гендерного равенства.

Заявительница утверждала, что в течение нескольких лет она подвергалась систематическому физическому и психологическому насилию со стороны своего мужа. По ее мнению, оно было достаточно серьезным для достижения уровня жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Суд повторил, что проблема домашнего насилия, которое может принимать различные формы – от физических нападений до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия является общей проблемой, затрагивающей в той или иной степени все государства-члены,

¹ В рамках настоящего *Обзора* понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает Европейский Суд по правам человека.

² Далее – Конвенция.

но не всегда находящейся на поверхности, так как оно часто происходит в личных отношениях или в замкнутых пространствах. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите были подчеркнуты в ряде международных документов и прочно закреплены в прецедентной практике Суда (пункт 27 постановления).

Суд установил: «заявительница подверглась физическому насилию со стороны своего мужа, впоследствии бывшего мужа,... что было зафиксировано в медицинских документах.... Полученные ею травмы сами по себе превысили порог жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции.... Помимо физических травм, важным аспектом домашнего насилия является психологическое воздействие. Заявительница сообщила в полицию о случаях угрожающего поведения со стороны [мужа]... Он запер ее на ночь в квартире, чтобы она не могла выйти или позвонить кому-либо... Его угрозы заставили ее опасаться за свою безопасность; она переехала из квартиры, не сообщив [мужу] свой новый адрес. Однако она не могла избежать того, чтобы не видеться с [мужем], потому что он был отцом их сына. Их встречи привели к новым нападениям... Чувства страха, беспокойства и беспомощности, которые должна была испытывать заявительница в связи с контролирующим и принуждающим поведением [мужа], были достаточно серьезными, чтобы представлять собой бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 28 постановления).

Суд обратил внимание: «[е]сли было продемонстрировано, что обращение достигло порогового значения в плане жестокости, [влекущего] защиту на основании статьи 3 Конвенции, Суду следует рассмотреть вопрос о том, выполнили ли власти государства свое позитивное обязательство по статье 1 Конвенции, толкуемой в совокупности со статьей 3, для обеспечения того, чтобы физические лица под его юрисдикцией были защищены от всех форм жестокого обращения, включая случаи, когда жестокое обращение имеет место со стороны физических лиц. Данные позитивные обязательства, которые взаимосвязаны, включают в себя:

(а) обязательство установить и применять на практике надлежащую правовую основу, обеспечивающую защиту от жестокого обращения со стороны физических лиц;

(b) обязательство принимать разумные меры, которые могли бы ожидаться, чтобы предотвратить реальную и непосредственную угрозу жестокого обращения, о которой органы власти знали или должны были знать, и

(с) обязательство провести эффективное расследование, когда подана небезосновательная жалоба о жестоком обращении» (пункт 29 постановления).

Что касается вопроса о том, установило ли государство-ответчик надлежащую правовую основу для борьбы с домашним насилием, Суд ранее

выяснил³, что в Российской Федерации не было принято специального законодательства для решения этой проблемы. «Домашнее насилие, отметил Суд, не представляет собой отдельное преступление по российскому законодательству и не является отягчающим обстоятельством любого иного преступления. Российское законодательство не содержит никаких положений, усиливающих наказание за домашнее насилие, и не проводит различие между домашним насилием и насилием, причиненным третьими лицами. Существующие положения уголовного права не могут надлежащим образом охватить различные аспекты домашнего насилия. Они оставляют многие из его форм, такие как психологическое или экономическое насилие или контролирующее или принуждающее поведение, за рамками уголовно-правовой защиты. Они также требуют, чтобы фактические телесные повреждения имели определенную степень тяжести. В таком случае их можно было квалифицировать как преступление публичного обвинения, оставляя преследование по менее тяжким обвинениям на частную инициативу потерпевшего. Однако возможность возбуждения уголовного преследования в рамках частного обвинения недостаточна в контексте домашнего насилия, поскольку такое производство требует времени и ресурсов и налагает чрезмерное бремя на жертву домашнего насилия. Длительные задержки в производстве по делу частного обвинения и значительно более низкая вероятность обеспечения осуждения причинителя насилия препятствуют жертвам в доступе к правосудию» (пункт 30 постановления).

Российская Федерация, подчеркнул Европейский Суд, остается в числе немногих государств-членов, национальное законодательство которых не предоставляет жертвам домашнего насилия какие-либо меры защиты, сравнимые с «запретительными приказами», «защитными приказами» или «охранными приказами», предусмотренных в законодательстве других государств-членов. Такие приказы направлены на то, чтобы предотвратить повторение домашнего насилия и защитить жертву такого насилия, как правило, требуя, чтобы нарушитель покинул общее место жительства и воздерживался от приближения или контакта с жертвой. Власти государства-ответчика в своих замечаниях не указали никаких альтернативных мер сдерживания, которые органы власти могли бы использовать для предотвращения повторения последовательных эпизодов насилия, затронувших заявительницу (пункт 31 постановления).

³ См., например, постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Володина против Российской Федерации», пункты 81–84 и 123. Ранее информация об этом постановлении была изложена Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 6 (2020).

Режим доступа: URL:

http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/29201/#page=9&zoom=100,109,437.

Таким образом, по мнению Европейского Суда, российская правовая база не соответствует требованиям, заложенным в позитивном обязательстве государства по установлению и эффективному применению системы, предусматривающей наказания за все формы домашнего насилия и обеспечивающей достаточные механизмы защиты его жертв. Заявительница не смогла бы получить компенсацию по своим жалобам, связанным с отсутствием защиты от домашнего насилия, в каких-либо судебных процессах. Соответственно, она сохранила свой статус жертвы предполагаемого нарушения, и возражение властей относительно ее статуса жертвы должно быть отклонено (пункт 32 постановления).

Обращаясь к обязательству проводить эффективное расследование всех актов домашнего насилия, что может привести к наказанию виновного, Суд напомнил – при рассмотрении таких дел требуется особая тщательность и в процессе внутреннего разбирательства следует принимать во внимание особый характер домашнего насилия. Обязательство государства проводить расследование не будет выполнено, если защита, предоставляемая внутренним законодательством, существует только в теории; прежде всего, она также должна эффективно применяться на практике, а это требует оперативного рассмотрения дела без лишних задержек (пункт 33 постановления).

Ввиду недостатков российской правовой основы в сфере борьбы с актами домашнего насилия и того, как российские власти отнеслись к заслуживающим доверия утверждениям заявительницы о жестоком обращении, Суд счел, что государство не выполнило свои обязательства по статье 3 Конвенции (пункт 39 постановления).

Заявительница также жаловалась на неспособность российских органов власти принять конкретные меры по борьбе с дискриминацией женщин по признаку пола. Она утверждала, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 3 указанного международного договора.

Суд напомнил – общая политика или фактическая ситуация, которая имеет непропорционально негативные последствия для конкретной группы, может представлять собой дискриминацию по смыслу статьи 14 Конвенции, даже если она конкретно не нацелена на эту группу и не имеет дискриминационных намерений. Насилие в отношении женщин, включая домашнее насилие, является формой дискриминации в отношении женщин. Неспособность государства защитить женщин от домашнего насилия нарушает их право на равную защиту по закону, независимо от того, является ли такое нарушение умышленным или нет (пункт 44 постановления).

В постановлении по делу *«Володина против Российской Федерации»*, на основании доказательств, представленных заявительницей, и информации из независимых национальных и международных источников, Суд установил *prima facie* признаки того, что домашнее насилие несоразмерно затронуло

женщин в России. Женщины составляют подавляющее большинство жертв домашних преступлений в статистике полиции, о насилии в отношении женщин в значительно меньшей степени сообщается, оно в меньшей степени регистрируется, и у женщин гораздо меньше шансов добиться судебного преследования и осуждения причинителей насилия вследствие внутригосударственной классификации таких преступлений. Суд постановил, что продолжающееся непринятие законодательства по борьбе с домашним насилием и отсутствие какой-либо формы запретительных приказов ясно демонстрирует, что российские власти не желали признавать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия в России и его дискриминационное влияние на женщин. Допуская на протяжении многих лет обстоятельства, способствующие домашнему насилию, российские органы власти не смогли создать условия для действительного гендерного равенства, которое позволило бы женщинам жить без страха подвергнуться жестокому обращению или нападению, посягающим на их физическую неприкосновенность и пользоваться равной защитой закона (пункты 45–46 постановления).

Эти выводы, по мнению Европейского Суда, являлись актуальными и в обстоятельствах настоящего дела. Таким образом, имело место нарушение статьи 14 в совокупности со статьей 3 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 20289/10 *«Барсова против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 22 октября 2019 года), которым также было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с невыполнением обязательств по обеспечению Б. надлежащей защитой от домашнего насилия со стороны ее мужа – У. ввиду недостатков нормативно-правового регулирования вопросов привлечения к ответственности за соответствующие преступные посягательства и ненадлежащего рассмотрения судом возбужденного заявителем в отношении мужа дела частного обвинения.

запрет недопустимого обращения

(вопросы помещения обвиняемых, подсудимых в металлические клетки в ходе судебного разбирательства)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

№ 9209/11 *«Малышев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 51122/07 *«Пеет и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2021 года), которыми установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции в связи с помещением отдельных заявителей в металлическую клетку при рассмотрении судами их уголовных дел, а также отсутствием у них эффективных средств правовой защиты от соответствующего нарушения.

*право на свободу и личную неприкосновенность
(лишение свободы согласно закону, несвоевременное составление сотрудниками полиции протокола задержания)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобе № 51122/07 *«Пеет и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2021 года), которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием одного из заявителей под стражей при отсутствии судебного решения.

практика Комитета ООН по правам человека⁴

Соображения Комитета по правам человека от 24 октября 2019 года по делу *«Владимир Вовченко против Российской Федерации»* (сообщение № 2446/2014).⁵

Краткая информация: Комитет принял к сведению утверждение автора по статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, а именно – 10 апреля 2013 года он около 13 часов провел фактически в статусе задержанного, прежде чем был составлен официальный протокол его задержания. По его мнению, это противоречило национальному законодательству, в соответствии с которым протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов после доставления подозреваемого к следователю. Комитет отметил, что, по словам автора, он несколько часов провел запертым в кабинете следователя и в наручниках, после чего участвовал в следственных действиях в качестве свидетеля и поэтому был

⁴ Комитет ООН по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее также – Международный пакт о гражданских и политических правах, Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту.

Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

⁵ Текст указанных Соображений поступил в Верховный Суд Российской Федерации из Министерства иностранных дел Российской Федерации.

лишен процессуальных гарантий, предусмотренных национальным законодательством для подозреваемых, в частности, права на защитника.

Правовые позиции Комитета: согласно пункту 13 Замечания общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности арест по смыслу статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах не обязательно предполагает официальный арест, как он определяется внутренним законодательством. В соответствии с пунктом 23 Замечания общего порядка № 35 государства-участники обязаны соблюдать внутренние правила обеспечения важных гарантий в интересах задержанных, в том числе регистрации ареста (пункт 7.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отметил – с момента фактического задержания автора до составления официального протокола о задержании национальные органы рассматривали его в качестве свидетеля. В своем решении от 12 сентября 2013 года районный суд не нашел доказательств того, что в период между осмотром места происшествия и составлением протокола о задержании была ограничена свобода передвижения автора. В ходе расследования, проведенного национальными органами, также не нашли подтверждения заявления автора о том, что его удерживали в наручниках. Вместе с тем Комитет обратил внимание на то, что сотрудники полиции М., Ред. и Ром., которые отвечали за доставку и сопровождение автора при производстве обыска по месту его жительства, признались, что надевали на автора наручники на время его транспортировки. Таким образом, Комитет констатировал следующие факты, которые не были опровергнуты сторонами: а) автор был задержан на месте преступления и доставлен в отделение полиции; б) он находился в отделении с момента его доставления туда и мог принимать участие во всех следственных действиях; с) во время поездки к его дому сотрудники полиции надели на него наручники. Комитет отметил: автор не мог свободно покинуть отделение полиции в любой момент после задержания. Комитет пришел к выводу, что с момента фактического задержания на месте преступления автор находился под стражей (пункт 7.3 Соображений).

Комитет принял также к сведению утверждение автора о том, что в качестве свидетеля он должен был иметь возможность свободно передвигаться и не должен был находиться в наручниках во время его транспортировки к месту проведения обыска. Комитет отметил – в соответствии со статьями 56 и 113 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетель вызывается для дачи показаний. Возможность привода свидетеля возникает в том случае, если он уклоняется от явки без уважительной причины. Статья 21 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», указал Комитет, предусматривает, что сотрудник полиции имеет право применять специальные средства, в частности наручники, при транспортировке задержанных. С учетом этих положений Комитет подчеркнул, что действия

по задержанию автора и его доставлению в отделение полиции, а также применение в отношении него наручников при его транспортировке к месту нахождения его квартиры и обратно допустимы только в отношении задержанного или подозреваемого лица, а не в отношении свидетеля (пункт 7.4 Соображений).

Комитет принял к сведению вывод областного суда – с момента фактического задержания и до составления официального протокола задержания автор не считался задержанным, а был лишь доставлен к следователю. Комитет отметил, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует определение понятия «доставление». Как следовало из информации, содержащейся в материалах дела, поездка до отделения полиции заняла около 20 минут. Комитет также подчеркнул, что областной суд не пояснил, каким образом следственные действия, совершенные с участием автора, в частности его транспортировка для проведения обыска в квартире, охватываются понятием «доставление». В силу этих причин Комитет счел, что «доставление» автора к следователю, которое заняло примерно 13 часов, в течение которых он принимал участие в различных следственных действиях как в полиции, так и за ее пределами, обладало рядом признаков, характерных для лишения свободы (пункт 7.5 Соображений).

Комитет отметил: отсутствие составления следователем протокола задержания в течение трех часов после прибытия автора в отделение полиции, при том, что его свобода была ограничена и он в определенные моменты находился в наручниках и поэтому *de facto* имел статус задержанного, противоречило порядку, установленному национальным законодательством. Исходя из этого, Комитет резюмировал, что не оформленное должным образом задержание автора в период с 11 ч 00 мин до 23 ч 47 мин 10 апреля 2013 года без соблюдения предусмотренных национальным законодательством процессуальных гарантий не было основано на законе и, следовательно, имело произвольный характер (пункт 7.6 Соображений).

Как усматривалось из материалов дела, следователь доставил автора в отделение полиции, с тем чтобы с помощью проведения ряда следственных действий выяснить его причастность к преступлению, а не просто для того, чтобы допросить его в качестве свидетеля. Комитет подчеркнул – намеренное использование статуса свидетеля для осуществления действий, применимых к подозреваемому, и тем самым лишение лица предусмотренных законом процессуальных гарантий равносильно произвольному задержанию. Таким образом, Комитет сделал вывод о том, что задержание автора было произвольным и незаконным в нарушение пункта 1 статьи 9 Пакта (пункт 7.7 Соображений).

Выводы Комитета: факты свидетельствовали о нарушении государством-участником прав автора сообщения, предусмотренных в пункте 1 статьи 9 Пакта.

Согласно пункту 3 «а» статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить автору эффективное средство правовой защиты. В частности, оно должно предоставить полное возмещение лицам, чьи права, гарантируемые Пактом, были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, среди прочего, принять соответствующие меры для предоставления автору компенсации за произвольное задержание. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для недопущения подобных нарушений в будущем.

С учетом того, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета выносить решения относительно наличия или отсутствия нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам признаваемые в Пакте права и предоставлять эффективное и имеющее исковую силу средство правовой защиты в случае установления факта нарушения, то Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение названных Соображений Комитета. Он также просит государство-участник опубликовать указанные Соображения и обеспечить их широкое распространение на официальном языке государства-участника.

По делу были высказаны особые (несогласные) мнения членов Комитета по правам человека *Кристофа Хейнса, Жозе Мануэля Сантуш Паиша и Гентиана Зюбери*.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

№ 42732/12 *«Ананьев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 21552/19 *«Двирник и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 9209/11 *«Малышев и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 51122/07 *«Пеет и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 14 января 2021 года);

№ 28563/17 *«Прищенко против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года);

№ 35877/17 и по 2 другим жалобам «**Сафин против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года);

№ 4672/19 и 14373/19 «**Тяжков против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года), которыми установлены нарушения в отношении заявителей пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей.

*право на свободу и личную неприкосновенность
(право на участие защитника при рассмотрении жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также на решения о продлении срока действия указанной меры пресечения)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 42732/12 «**Ананьев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года), которым установлено нарушение в отношении одного из заявителей пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду необеспечения его права на личное участие в судебном заседании при рассмотрении жалобы на решение о продлении в отношении него срока содержания под стражей.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на личное участие в судебном разбирательстве при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9209/11 «**Малышев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года), которым установлено нарушение в отношении заявителя пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду необеспечения его права на участие защитника при рассмотрении апелляционной жалобы на решение об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на участие защитника при рассмотрении жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 9209/11 «**Малышев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года), которым установлено нарушение в отношении заявителя пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду необеспечения его права на участие защитника при рассмотрении апелляционной жалобы на решение об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

право на свободу и личную неприкосновенность (право на незамедлительное рассмотрение жалобы на решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или на решение о продлении срока действия указанной меры пресечения)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам:

№ 42732/12 «**Ананьев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 9209/11 «**Малышев и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 декабря 2020 года);

№ 51122/07 «**Пеет и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 14 января 2021 года);

№ 28563/17 «**Прищенко против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года);

№ 35877/17 и по 2 другим жалобам «**Сафин против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года);

№ 4672/19 и 14373/19 «**Тяжков против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года), которыми установлены нарушения в отношении заявителей пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным рассмотрением судами жалоб на решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также на решения о продлении срока действия указанной меры пресечения.

*право на справедливое судебное разбирательство
(право на разумные сроки уголовного судопроизводства)*

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 4926/18 «**Макаров против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 26 ноября 2020 года), которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду чрезмерной длительности уголовного судопроизводства.

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы текстов постановлений (решений) Европейского Суда по правам человека получены из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.